

Наконец настал новогодний пир.

Это был всенародный праздник, который отмечают лишь раз в году, поэтому, естественно, чем больше собиралось людей, тем оживлённее становилось вокруг. На торжество являлись не только четыре благородные наложницы, восемь младших жён и члены императорской семьи, но и министры могли привести с собой одного члена семьи. Однако Ся Си не был ни членом императорского рода, ни придворным чиновником. Сначала он гадал, в каком качестве Гун Инань позволит ему присутствовать на грандиозном банкете, и лишь потом узнал, что в этом году было сделано особое исключение: отпрыскам знатных семей по рекомендации также разрешалось прийти и лицезреть императорскую особу.

Впрочем, квот было всего раз-два и обчелся, причём требовались поручительства четырёх высокопоставленных сановников не ниже второго ранга — условия можно было назвать суровыми до крайности. Ся Си не знал, какими методами воспользовался Гун Инань или на чьё имя сослался, но он так легко последовал за Гун Инанем во дворец, занял своё место и в конце концов уселся рядом с ним.

Гун Инань на самом деле тяжело выдохнул от облегчения, когда Ся Си согласился пойти с ним на новогодний пир. Будучи принцем, он был обязан присутствовать на банкете, но оставить Ся Си одного в поместье он никак не мог. Во-первых, он беспокоился: после того как в ту ночь лекарям удалось спасти юношу, они предположили, что тот может испытывать панический страх перед замкнутым и одиноким пространством, ведь перегрызть себе артерию зубами куда сложнее и больнее в десять раз, чем полоснуть острым клинком, а его решимость расстаться с жизнью была предельно тверда. Будь то влияние обстановки или мысли о самоубийстве, для Гун Инаня это было источником сильнейшей тревоги, поэтому теперь он проявлял такую осторожность, что старался находиться рядом с юношей каждую минуту, а если и отлучался по делам, то непременно приставлял к нему слуг. В канун Нового года, когда все семьи собираются вместе, Гун Инань тем более не мог оставить юношу в одиночестве в пустом поместье.

Во-вторых, он боялся, что Ся Си воспользуется моментом и сбежит. Помимо догадки, что юноша принадлежит к Скрытым Вратам, Гун Инань не знал о нём ровным счётом ничего. Раз во Скрытых Вратах передают знания только тем, кто связан кровными узами, не захочется ли Ся Си в этот день семейного воссоединения повидать родных, не пожелает ли вернуться к своим близким в Скрытые Враты — и больше никогда не объявиться...

При одной этой мысли Гун Инаня охватывал дикий ужас, и он ни за что на свете не позволил бы Ся Си провести весь вечер в резиденции в одиночестве. Ему даже хотелось приковать его железной цепью, чтобы ежесекундно держать при себе.

Местом проведения вечернего пира по традиции был назначен дворец Чаоян. Поскольку на этот раз разрешили привести домашних, дворец специально переоформили, освободив побольше пространства, чтобы всем было удобно сидеть. Хотя зал оказался просторным, по углам расставили множество жаровен с бесцветным и безвредным золотым шелковым углём, отчего во всём помещении стояло тепло, как весной.

Не успел Ся Си войти во дворец Чаоян, как столкнулся с Гун Чэнем. Мужчина был облачен в синий парчовый халат с глубоким запахом, расшитый серебряными нитями, а по подолу вились разноцветные струящиеся волны, что ещё больше подчёркивало его статную фигуру и выдающийся нрав. Хотя его обступило несколько министров, от него исходило ощущение особности, отрешённости от мира; он стоял молча, словно кого-то поджидая.

Заметив следовавшего за Гун Инанем Ся Си, Гун Чэнь просиял лицом, одарил юношу мягкой улыбкой и сделал шаг ему навстречу.

Гун Инань одновременно с ним шагнул вперёд, преграждая Ся Си путь. Соперники в любви от природы наделены тонким чутьем: двое мужчин встретились взглядами, и без лишних слов их намерения стали ясны без всяких объяснений.

Окружавшие их зеваки знали, что Князь Жуй и Князь Ли издревле не ладят, поэтому решили, что Гун Чэнь изначально шёл целенаправленно к Гун Инаню. Вся их сосредоточенность была прикована к двум принцам, и на Ся Си никто не обратил внимания. Следом появление ещё одного человека и вовсе перетянуло на себя все взгляды присутствующих:

— Отчего здесь так шумно? Неужели я что-то пропустил?

Раз он назвал себя бэньгуном, значит, это наверняка был наследный престол Князь Жуй или наследный принц... кхм, наследный принц Гун Лянь. Ся Си впервые видел этого старшего принца и не удержался, исподлобья оценивающе оглядев его. Гун Лянь был одет в тёмно-красный церемониальный парчовый халат с золотыми драконами и облачными узорами, выглядевший величественно и роскошно. В руке он держал складной костяной веер, придающий ему ещё больше щегольства, из-за чего Ся Си мысленно фыркнул: таскать с собой веер посреди зимы — просто помешательство. Либо у него странный характер, либо он банально красуется.

Каждый из трёх принцев являлся особой, вокруг которой вилась целая свита, а уж когда они сошлись вместе, то и вовсе вызвали всеобщую давку: кто-то угодничал и льстил, кто-то улыбался с ножом за пазухой меж враждующих фракций, а кто-то и вовсе жаждал всеобщего хаоса. Не успел Ся Си опомниться, как толпа оттеснила его от Гун Инаня. В этот момент раздался глухой раскат, и в небе над дворцом в знаменование начала грандиозного пира взметнулись праздничные фейерверки.

Толпа вокруг тут же зашумела ещё сильнее, все наперебой задирали головы, уставившись в небо. В конце концов, подобная забава была доступна лишь в императорском дворце, к тому же запускали её всего раз в год, так что столичные жители иной раз загодя выглядывали её в небо над резиденцией правителя.

Однако, по мнению Ся Си, техника изготовления фейерверков в эту эпоху оставляла желать лучшего: цвета ограничивались красным, жёлтым и зелёным, а узоры были донельзя примитивными, сильно уступая фейерверкам времён Китайской Республики, которые завозили с Запада и которые умели выписывать самые разные формы и оттенки. Ся Си уже собирался молча ускользнуть из толпы, как вдруг кто-то ухватил его за руку. Подняв глаза, он с

удивлением увидел перед собой только что появившегося наследного принца Гун Ляня.

— Что, эти огоньки кажутся тебе скучными? Ся Си опустил голову и молча попытался высвободить руку, но после нескольких неудачных попыток Гун Лянь, играя с ним, как кот с мышкой, неторопливо разжал пальцы. Другой рукой он подцепил веером подбородок Ся Си и, окинув юношу оценивающим взглядом с ног до головы, произнес:

— Выходит, от начала и до конца Гун Чэнь ждал именно тебя? И правда, внешность выдающаяся — по сравнению с таким лицом эти фейерверки и впрямь не идут ни в какое сравнение.

Ся Си от одного взгляда Гун Ляня передернуло от омерзения. Нахмурившись, он попытался оттолкнуть чужой веер, но кто-то опередил его.

Отодвинув веер, Гун Инань тут же заслонил Ся Си собой, укрыв юношу от посторонних глаз. Сам он был весьма рослого телосложения — на добрых несколько сантиметров выше Гун Ляня, — и оттого его аура казалась еще более давящей.

— Банкет скоро начнется.

Тем временем фейерверки наконец отгремели, возвещая о начале пиршества. Гун Лянь, казалось, ничуть не обиделся на столь неуважительный тон Гун Инаня. Напротив, он хлопнул его по плечу и тихонько шепнул на ухо:

— Четвертый братец, твой малыш хоть и хорош собой, но совсем еще зелен. Сразу видно, что невинен и в утехах не смыслит. Не хочешь отдать его мне на время, чтобы я немного приучил его к рукам?

Гун Инаня тут же бросило в жар. С трудом сдерживая гнев, он перехватил руку Гун Ляня, лежавшую на его плече, и холодно произнес:

— Попрошу наследного принца вести себя пристойнее.

Гун Лянь позволил ему перехватить свою руку и только усмехнулся:

— С чего это ты вдруг набросился на старшего брата? Князю Ли следовало бы самому проявить благоразумие.

Поскольку мгновением ранее Гун Лянь говорил вполголоса, так что расслышать его мог только сам Гун Инань, со стороны всё выглядело так, будто братья просто о чем-то дружно пошептались. Однако следом лицо князя Ли резко переменилось, и он едва не полез на рожон против наследника. Несколько приближенных сановников поспешили вмешаться и разнять их, а в этот момент раздался зычный, пронзительный голос евнуха:

— Император прибыл!

Гун Инань опасным, прищуренным взглядом окинул Гун Ляня и нехотя разжал пальцы. Гун Лянь, казалось, ни капли не испугался его угроз; бросив еще один взгляд на прятавшегося за спиной князя Ли Ся Си, он повернулся и направился к своим покоям во дворце Чаоян, чтобы занять место.

Не прошло и мгновения, как все расселись по местам. Когда император наконец занял свое

кресло во главе стола, грандиозный банкет официально начался.

Правитель и придворные собрались вместе. Повелитель Государства Цзин Гун Дэмин восседал на почетном месте, принимая поздравления от подданных, и атмосфера вокруг царила оживленная и праздничная. Служанки одна за другой выносили на столы изысканные блюда; гости пили вино, вкушали яства, а тем временем на арене сменяли друг друга заранее подготовленные представления.

Ся Си сидел по левую руку от Гун Инаня. Мыслями он был целиком поглощен заданием, а потому к угощениям остался совершенно равнодушен, то и дело украдкой бросая взгляды в сторону Гун Дэмина.

Гун Инань мягко предостерег его:

— Банкет затянется допоздна. Съешь хоть что-нибудь, ладно? Ся Си всё ещё молча размышлял об убийстве. Вокруг царила гармония и веселье, а дворец как изнутри, так и снаружи охранялся чрезвычайно строго — он никак не мог взять в толк, где же здесь может быть лазейка. Впрочем, Гун Дэмин выглядел не слишком здоровым: внешне он казался гораздо старше своих лет, производил впечатление человека на исходе сил.

Заметив, что юноша снова погрузился в задумчивость, и опасаясь, что тот испортит здоровье отказом от пищи, Гун Инань лично взял небольшой кусочек молочного пирожного и попытался покормить Ся Си, положив его ему в рот.

Во рту у Ся Си и так было сухо, а от молочного пирожного стало ещё суше. Волкнув лакомство, он абсолютно не мог его проглотить и подавленно пробормотал:

— Я не хочу это есть.

Видя, что Ся Си держит во рту молочное пирожное так, будто это яд, а его личико полностью сморщилось, Гун Инань почувствовал укол жалости:

— Не хочешь — выплюнь.

С этими словами он поднёс руку к губам Ся Си:

— Выплюнь мне в ладонь.

Ся Си покачал головой. Во рту пирожное пробыло уже так долго, что пропиталось слюной, и даже при сильнейшем нежелании есть это нельзя было просто выплёвывать человеку на руку. Он только собрался заговорить, как чуть не поперхнулся крошками, а его лицо покраснело от напряжения. Гун Инань испугался ещё сильнее:

— Быстрее выплёвывай, не дай бог подавиться. Сейчас все смотрят представление, никто сюда не глянет, послушайся.

В конце концов Ся Си пришлось выплюнуть пирожное. Гун Инань без малейшего брезгливости собрал всё на ладонь, а затем положил в стоящую рядом тарелку для очистков:

— Нельзя ничего не есть. Давай попробуем что-нибудь другое, хорошо? Долго размышляя, он выдал:

— Я хочу фруктов.

Гун Инань вытер руки шёлковым платком, придвинул поближе те самые личи, на которые только что указал Ся Си, и принялся очищать их от кожуры.

В мгновение ока один личи был готов, и молодой человек поднёс его прямо к губам юноши.

Ся Си посмотрел на фрукт и по привычке сначала высунул кончик язычка, чтобы осторожно лизнуть его. Убедившись по вкусу сока, что личи действительно очень сладкий, он со спокойной душой ам! — и целиком проглотил его, заодно смахнув кончиком языка сок с пальцев Гун Инаня.

Гун Инань отроду не утруждал себя заботами о чужих взглядах и мнениях, а Ся Си в прошлой жизни привык к услугам прислуги, поэтому поначалу даже не подумал, что стоит соблюдать какую-то осмотрительность. Лишь когда Ся Си, довольно прищурившись, словно котенок, проглотил угощение, он заметил, что на них устремлено несколько пар глаз, и неизвестно, сколько они уже за этим наблюдали. Ладно еще Гун Чэнь, но среди них оказалась и Гун Лянь, с первой же встречи оставившая у Ся Си дурное впечатление.

Неподдельная, неосознанная истома вперемешку с неискушенностью завораживала в сто раз сильнее, чем зрелая соблазнительность.

Внешне Ся Си был совсем ребенком, а его большие, черно-белые глаза сияли такой чистотой и прозрачностью, что казалось, будто он виден насквозь. То, как он естественно и наивно облизывал личи розовым язычком, было лишено и намека на жеманство или фальшь, но именно поэтому зрелище казалось еще более соблазнительным.

<http://bllate.org/book/22145/2307202>